

Чербаева Ольга Владимировна

ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО ВОСПРИЯТИЯ ВОЗРАСТА И "ПРОПИСКИ" ГЕРОЕВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. В. ВАМПИЛОВА

В статье анализируется авторское восприятие возраста и "прописки" героев. Целью статьи явилась попытка доказать, что возраст героя и его место жительства наделяются у Вампилова ярко выраженной оценочной семантикой. Детство противопоставлено в творчестве Вампилова зрелости как "идеальное", духовное, природное, естественное начало - сугубо рационалистическому, искусственному. Деревня - городу, как некий идеальный мир по отношению к бездуховному миру потребителей материальных ценностей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/55.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 195-200. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

GAMING MODALITY OF A LITERARY TEXT: PROBLEM DEFINITION

Chemodurova Zinaida Markovna, Ph. D. in Philology
Herzen State Pedagogical University of Russia
zinatim@rambler.ru

The article touches on a problem of correlation of game and literary text, in particular, the interrelation of the conception –agon’ and the processes of creation and perception of a literary text. The paper suggests considering gaming modality as a special type of textual modality representing itself a constitutive feature of semantics of any literary text conditioned by the author’s original evaluation of a fictional reality.

Key words and phrases: game; agon type of game; gaming modality; implicitness/explicitness; evaluation; post-modernist literary text.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье анализируется авторское восприятие возраста и «прописки» героев. Целью статьи явилась попытка доказать, что возраст героя и его место жительства наделены у Вампилова ярко выраженной оценочной семантикой. Детство противопоставлено в творчестве Вампилова зрелости как «идеальное», духовное, природное, естественное начало – сугубо рационалистическому, искусственному. Деревня – городу, как некий идеальный мир по отношению к бездуховному миру потребителей материальных ценностей.

Ключевые слова и фразы: оппозиция «детство – зрелость»; оппозиция «деревня – город»; образ ребенка; мотив детства; духовный возраст героя; мотив памяти.

Чербаева Ольга Владимировна

Мичуринский государственный аграрный университет
olgacherbaeva@rambler.ru

**ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО ВОСПРИЯТИЯ ВОЗРАСТА
И «ПРОПИСКИ» ГЕРОЕВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. В. ВАМПИЛОВА®**

Возраст героя в художественном мире А. В. Вампилова является принципиально важной характеристикой. Динамика взросления, достижения зрелости, старости у Вампилова соотносится с идеей отхода человека от природности, от собственных истоков и, соответственно, погружения в материально-вещный мир, где потребительство и рациональность одерживают верх над творчеством, импульсивностью, духовностью. Мотив взросления, достижения зрелости представлен в художественном мире Вампилова не только в соотношении с мотивом жизненного пути отдельного человека от детства к зрелости, но и как метафора глобального исторического процесса урбанизации, а также как мотив «старения» культуры, вырождения ее в цивилизацию. Исторический путь человечества от духовности к рационализму и духовному обнищанию метафорически представлен в «Записных книжках» Вампилова как противопоставление детства человечества его зрелости: «Бетховен не повторится. Чем дальше от Бетховена, тем больше человек (в известном смысле) будет становиться животным, хоть и еще выше организованным. В будущем человек будет представлять из себя сытое, самодовольное животное, безобразного головастика, со сказочным удобством устроившегося на земле и размышляющего лишь о том, как бы устроиться еще удобнее. Время Пушкиных и Бетховенов будет рассматриваться как детство человечества. Головастик скажет: "Как ребячились люди! Занимались какой-то поэзией, как это?.. Музыкой. Что это такое? И зачем она им тогда понадобилась?"» [2, с. 639]. Такие представления Вампилова развивают идею О. Шпенглера о прохождении культурой определенных ступеней развития. Завершающей ступенью, «зрелостью» культуры и одновременно ее концом становится, по Шпенглеру, цивилизация: «Цивилизация – это те самые крайние и искусственные состояния... Они – завершение, они следуют как ставшее за становлением, как смерть за жизнью, как неподвижность за развитием, как умственная старость и окаменевший мировой город за деревней и задушевным детством... Они – неизбежный конец» [9, с. 69]. Как Шпенглер противопоставляет культуру эллинов, их философию и искусство, цивилизации римлян, «бездушных... наделенных животными инстинктами... ценящих одни материальные успехи», воображение которых «направлено только на практическое» [Там же, с. 70], так же Вампилов противопоставляет прошлое (время Бетховена и Пушкина) – «детство человечества» – будущему – «сытой», «удобной» «зрелости». Так же, вслед за О. Шпенглером, Вампилов противопоставляет образ провинции, глубинки образу города. Все «идеальное», духовное, природное у Вампилова соотносится с мотивами начала жизненного пути, истоками, с детством и, соответственно, с образом исконной Сибири (деревенской) – родиной писателя. «Материальность» символически

соотнесена с концом жизненного пути, то есть проецируется в будущее и ассоциируется с обобщенным образом города, с приходящей урбанизацией. Шпенглер противопоставил «мировые города» (столицы) провинции, которая с приходом цивилизации становится чем-то второстепенным, «имеющим своим исключительным назначением питать эти мировые города» [Там же]. Мотив урбанизации, поглощения традиционной деревенской культуры городской цивилизацией отражен в рассказе «Сугробы», в очерках «Прогулки по Кутулику», «Как там наши акации?», в пьесе «Прошлым летом в Чулимске». Противопоставление города и деревни находит отражение и в ранней пьесе «Дом окнами в поле». Именно город у Вампилова выступает воплощением материального, бездуховного мира. Атмосфера города раскрывается Вампиловым в «Утиной охоте», герои которой заботятся лишь о приобретении материальных благ, олицетворением которых в пьесе является новая квартира Зилова, и об удовлетворении физиологических потребностей (еда, выпивка, любовницы). Олицетворением бездуховной, лишенной осмысленности жизни, сведенной к сиюминутным развлечениям, выступает кафе «Незабудка». Таким образом, оппозиция «детство – зрелость» условно соотносится у Вампилова с оппозицией «деревня – город», как образ духовного и материального начала.

Детство соотнесено у Вампилова с началом пути: «Пыльная дорога через поле ведет прямо к чудесам и открытиям» («Солнце в аистовом гнезде») [3, с. 73]. Тема детства сопутствует образу провинции и противопоставлена теме зрелости, появляющейся в одном контексте с образом города. Оппозиция «детство – зрелость» является идейной основой рассказа «Солнце в аистовом гнезде» (1963). В нем воплощением провинциальной жизни, ее естественности и простоты выступает деревенский мальчик Витька, способный видеть прекрасное и удивительное даже в обыденном. Воплощением городской жизни, во всей ее неестественности, в рассказе выступают взрослые – приезжие актеры, для которых искусственное освещение, грим и «нюансы» становятся важнее самой пьесы. Не случайно образ деревенского мальчика противопоставлен именно образам актеров. Актеры, которые «бубнят роли» [Там же, с. 74], есть олицетворение искусственного мира взрослых, наполненного лицемерием. Тема детства, связанная с мотивом памяти, раскрывается также в образах Леши и Гоши из очерка «Белые города», чье «детство осталось на дне моря...» [Там же, с. 171], в очерках «Прогулки по Кутулику» и «Как там наши акации» (воспоминания писателя о своем детстве), в «Записных книжках». С темой детства у Вампилова связан образ исконной провинциальной Сибири, заключающий в себе мотив начала, истоков, а также идеи природной естественной жизни. Идеализация детства, характерная для творчества Вампилова, символически соотнесена с образом сказочного, волшебного мира, где все возможно, все необыкновенно. Образ ребенка противопоставлен образу взрослого как воплощение эмоционального начала рациональному. Наивность ребенка, вера в чудо, открытость миру противопоставляются здравому смыслу взрослых, сказочное мировосприятие – обыденному. Данное противопоставление в рассказе «Солнце в аистовом гнезде» вылилось в столкновение двух мироощущений – детского и взрослого:

«Он подставляет теплым лучам свою белобрысую голову и ждет, не закатится ли солнце в аистово гнездо.

Он сидел здесь вчера. И вчера он ждал этого чуда. Но солнце прокатилось над полем и село где-то в дальнем лесу. Может быть, сегодня оно сядет в гнездо? Вчера он спросил:

– В гнезде солнцу будет тесно?

Ему ответили:

– Дурак! Иди вымой руки.

Ему ответили:

– Солнце далеко. Оно никогда не сядет в аистово гнездо.

Ему ответили:

– Солнце само по себе, земля сама по себе. Если бы солнце село на землю, то все сторело бы. Понял?

Он понял, но ему очень хотелось верить, что солнце может сесть в аистово гнездо. И он надеялся, что когда-нибудь это случится» [Там же, с. 73].

Симпатичными автору героями, безусловно, становятся герои, опирающиеся в своих поступках не на здравый смысл, но движимые душевными порывами, по-детски непосредственные и непредсказуемые: «Я люблю людей, с которыми все может случиться» [2, с. 670], – так охарактеризовал сам писатель близкий ему тип личности. Именно они являются, по мнению Вампилова, двигателями истории и прогресса: «Если бы мир держался бы всегда здравого смысла, мы до сих пор ходили бы на четвереньках» [1, с. 109]. Характерно, что данный тип героя – творческий, непосредственный, живой, духовно юный – соотносится в художественном мире Вампилова с героями-провинциалами. Большой город, по мнению писателя, уничтожает в человеке его лучшие душевные качества: «Поэты рождаются в провинции, в столице поэты умирают» [2, с. 666].

В очерке «Как там наши акации» (1965) Вампилов пишет о своих односельчанах, которые «странным образом сохранили в себе любовь к анекдотическим выходкам, к тридцати годам причудливо донесли привязанность к шалостям, которые так уместны в четырнадцать лет и так рискованны в двадцать восемь» [3, с. 182]. Именно в провинциальном Кутулике, по мнению писателя, навсегда прописано детство: «Детство, проведенное в Кутулике, проходит нескоро» [Там же, с. 180]. Детская живость характера и склонность к шалостям, по Вампилову, характерная черта жителей Кутулика, некий объединяющий их признак: «Валять дурака вообще было излюбленным нашим развлечением, в этом есть, я бы сказал, даже особый какой-то кутуликский стиль, какая-то традиция, своя какая-то поэзия» [Там же]. И хотя Вампилов пишет, что «двадцатилетний курсант, бегущий из чужого огорода, – явление не только ненормальное и антиобщественное, но и загадочное явление» [Там же], он не вкладывает в это «ненормальное» явление негативного смысла. Точно так же в сцене «Цветы и годы» «хулиганствующий» [2, с. 409] Потапов, который «с ума сошел» [Там же, с. 408], по мнению его жены, строго придерживающейся здравого смысла, симпатичен самому автору, прежде всего,

тем, что сумел сохранить в себе и пронести через годы юношеский задор. Герои, «взрослые», серьезные, трезво оценивающие ситуацию, такие как Кудимов («Старший сын»), Дима («Утиная охота»), Мечеткин («Прошлым летом в Чулимске»), отдаленно напоминают болванчиков М. Е. Салтыкова-Щедрина, совершающих механические телодвижения и произносящих шаблонные фразы. Они явно не будут совершать никаких глупостей, «валять дурака», так как искра детства и творчества в них уже угасла. О творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина А. А. Павлова пишет следующим образом: «В своих сатирах писатель размышлял об уродливости шаблонной жизни, лишенной самостоятельности и творчества; о необходимости быть независимым от навязываемых социальных ролей» [8, с. 3]. Вампилов, на наш взгляд, созвучен в этом сатирику. Однако механичность, шаблонность, бездуховность жизни, по мнению писателя, коренится именно в отходе от детской и юношеской естественности, непосредственности, мечтательности. Характерно, что Вампилов в «Записных книжках» четко разграничил понятия «мечты» и «планы»: «Мечты, которые сбываются, – не мечты, а планы» [2, с. 661]. В очерке «Как там наши акации» он пишет о мечтах своей юности: «Физика манила нас в города, география подбивала на бродяжничество, литература, как полагается, звала к подвигам» [3, с. 179]. В пьесе «Прошлым летом в Чулимске» Мечеткин делится с Помигаловым своими планами: «Я, между прочим, нацелился на "Запорожца"» [2, с. 369].

Умение «валять дурака», которое с годами не утратилось у жителей провинциального Кутулика, по Вампилову, является неким творческим потенциалом, заложенным изначально, в детстве, в человеческий характер. Городская «серьезность», деловитость героев «Утиной охоты», рассудительная предприимчивость приехавшей из города Кашкиной («Прошлым летом в Чулимске») воспринимаются писателем негативно.

Вампилов уделяет особое внимание теме возраста в «Записных книжках», где характеристика старости носит несколько пренебрежительный оттенок: «Я смеюсь над старостью, потому что я знаю – я старым не буду» [Там же, с. 646]. Детство, юность становятся синонимом безрассудства, эмоциональности и динамичности: «Мне хочется завоевывать страны, открывать материки, драться с буйволами, лететь на луну – я становлюсь ребенком (идиотом)» [Там же, с. 637]; «Я бы и рад снова побыть безумным и слепым, но люди, к сожалению, постепенно взрослеют, а не становятся моложе» [Там же, с. 648]. Собственное взросление, переход от юности к зрелости, от состояния преддверия, выбора, действия – к возрасту мудрости, по-видимому, переживались писателем болезненно: «Мудрость – это когда уже ничего не остается» [Там же, с. 656]. Взросление, старение, конечность человеческой жизни, в том числе и собственной, Вампилов воспринимает трагично: «В моей голове, как нож бандита в темной тихой ночи, сверкнул первый седой волос. Пока один. Но он недолго будет одиноким – жизнь об этом позаботится. Мне грустно, милая, когда я думаю о том, куда ведет эта серебряная ниточка» [1, с. 75]. Философ и литературовед М. Н. Эпштейн отметил склонность творческих личностей к ювенильности: «Поэты вообще склонны к ювенильности и поэтому так трагически переживают конец молодости, начало зрелости, предпочитая порой сходить с круга жизни, не вступая в возраст, противный душе (Пушкин, Есенин, Маяковский; можно усмотреть трагическую роль не только социально-событийных, но и возрастных мотивов в судьбе Лермонтова, Блока, Цветаевой)» [10, с. 206]. Однако для Вампилова неизбежное движение от детства к старости включает в себе еще и трагические нотки отдаления от собственных истоков, от провинциальной Родины, которая, подобно человеку, «взрослеет», меняя свой облик, становится современной, «на уровне» [3, с. 189-190], «гонится» за городом. «Лицо» поселка, словно морщины, избороздили уже асфальтированные дороги. Милый писателю Кутулик его детства существует теперь лишь в воспоминаниях. Мотив памяти соотнесен в творчестве Вампилова с образом начала, природности, некоей невинности и метафорически воплощен в образе-символе детства. Витка из «Солнца в аистовом гнезде», Лены и Гоша из «Белых городов», «балующиеся на песке пацанята» [Там же, с. 155], рыбаки Вовка и Гришка («с посиневшими коленками» [Там же, с. 158] из очерка «Голубые тени облаков», школьная футбольная команда из очерка «Прогулки по Кутулику» и выпускники кутуликской школы, сажавшие акации и мечтавшие о приключениях и дальних дорогах из очерка «Как там наши акации» – все эти детские образы в художественном мире Вампилова неизменно являются частью идиллического образа традиционной сибирской деревни.

Мотив памяти также актуализируется у Вампилова в художественном образе сказки. Сказка как символ детства, начала, природности и как элемент генетической памяти осмысливается Вампиловым в «Записных книжках»: «Сказки, рассказанные нам в детстве, забываются. Приходит время, когда остается лишь одна сказка – лунная ночь. Но придет время – не будет и ее» [1, с. 103]. Образ-символ сказки соотнесен с мотивом памяти: забвение сказок, рассказанных в детстве, условно тождественно отходу от собственных корней, истоков, изначальной природности. Передача мотива памяти через введение в сюжет сказок, преданий реализована и в романе писателя-сибиряка С. П. Залыгина «Комиссия». Сказки в «Комиссии» есть не что иное, как история Лебяжки, бережно хранящаяся, передающаяся из поколения в поколение: «Лебяжинские сказки совершенно были особые. <...> Была у них своя история. История подлинная – она шла с тех времен, когда на бугре между озером и бором, на месте нынешней Лебяжки, столкнулись две партии переселенцев – староверы-кержаки и другие, откуда-то из-под Вятки, их в ту пору прозвали полувятскими» [4, с. 295]. Связь мотива памяти с образом сказки не случайно появляется у писателей, выходцев из Сибири. В статье «Русские сказки Сибири» Р. П. Матвеева констатирует «бережное отношение сибиряков к классическому сказочному наследию и вместе с тем его творческое восприятие» [7, с. 3]. «Хорошую сохранность русской сказки можно объяснить силою традиции, которая в свою очередь объясняется спецификой бытования сказки в Сибири. Здесь долгое время существовали социально-бытовые условия, исчезнувшие в других районах страны: работа артелями, охотничий промысел, требующий длительной совместной жизни в лесу охотников, рыбалка. Среди рыбаков, охотников почти всегда находился хороший сказитель, иногда его специально

приглашали» [Там же, с. 4]. Следовательно, образ сказки может быть соотнесен в творчестве Вампилова и с образом традиционной, исконной Сибири, постепенно уступающей место городской культуре, приходящей вместе с приезжими строителями «городов юности».

Мотив детства появляется и в драматургии Вампилова. В пьесе «Утиная охота» он несет на себе большую смысловую нагрузку. Символичным здесь является совпадение имен главного героя Вити Зилова и мальчика Вити, появляющегося в начале пьесы, указывающее на потенциальную возможность возрождения человеческой души, на шанс каждого человека начать свой жизненный путь заново, пересмотреть свою жизнь и переосмыслить:

ЗИЛОВ. Да... Уроки дело серьезное... А как тебя зовут?

МАЛЬЧИК (не сразу). Витя.

ЗИЛОВ. Да? Оказывается, ты тоже Витя. А тебе не кажется это странным?

МАЛЬЧИК. Я не знаю [2, с. 173].

Н. М. Кузнецова в работе «Мифо-ритуальный и фольклорный контекст драматургии А. В. Вампилова» объясняет это совпадение имен как воссоздание Вампиловым обряда инициации (мотивом инициационных ритуалов являлась символическая смерть неопита и последующее его воскрешение в новом качестве). Действительно, на протяжении всей пьесы изображается перерождение Зилова, его пробуждение ото сна, выпадение из машинальности, переход к новому душевному состоянию. «Всякий переход – обновление, а обновление всегда мыслится и ритуально представляется как смерть и новое рождение» [6, с. 24]. Из удушающей, давящей атмосферы большого города, в котором для Зилова оказывается тесно (действие всей пьесы сконцентрировано лишь в квартире Зилова, на его работе и в кафе), он рвется к свободе, туда, где человеческая жизнь не скована рамками ложного приличия, где можно вновь, как в детстве, ощутить полноту жизни. Природа сибирской провинции становится для него некой землей обетованной, где возможно возвращение к истокам, природности, естественности, то есть очищение от городского лицемерия, заполнение душевного вакуума, образовавшегося под действием городского образа жизни. Интересен тот факт, что героя рассказа «Солнце в аистовом гнезде» также зовут Витя («Витька, пожиратель чудес»).

Еще раз обыгрывается ситуация нового рождения в пьесе «Прошлым летом в Чулимске». Шаманов не влюбляется в Валентину, а скорее «хватается» за нее, как за последнюю надежду на собственное «воскрешение». Образ Валентины в этой пьесе соотносится с образом мальчика Вити из «Утиной охоты»: духовно она еще ребенок – застенчива, прямодушна, бесхитростна, подвижна («Бегом – так же, как и поднялась, – спускается с крыльца» [2, с. 317]). Ее физический возраст Вампилов также неоднократно подчеркивает: «Валентине не более восемнадцати лет» [Там же], «Шаманов. <...> Сколько тебе лет?.. Семнадцать?.. Восемнадцать?» [Там же, с. 350], «Пашка. <...> Когда я отсюда уезжал, ты вот (показывает) была совсем пацанка, я и не смотрел на тебя... Да и смотреть не на что было...» [Там же, с. 369]. Характерно, что обряд инициации традиционно является посвящением ребенка (подростка) во взрослый мир, то есть символически выражает взросление. В пьесах Вампилова происходит скорее обратный процесс, символическое возвращение к истокам, к детству героя. Так, в «Утиной охоте» переродившийся Зилов рвется к природным истокам, ведет себя, с точки зрения его «друзей», совпадающих с ним в физическом возрасте, безответственно, непредсказуемо, то есть так, как не подобает вести себя зрелому, взрослому человеку. «Возродившийся» после разговора с Валентиной Шаманов также мыслями уносится к детству, истокам и природности: «Этот мир я обретаю заново... Все ко мне возвращается: вечер, улица, лес, – я сейчас ехал через лес, – трава, деревья, запахи – мне кажется, я не слышал их с самого детства...» [Там же, с. 379]. Таким образом, мотив инициации в пьесах Вампилова трансформируется: не взрослые посвящают ребенка во взрослую жизнь, а, напротив, ребенок «посвящает» зрелого человека к детству. Характерно, что Вампилов в монологах «переродившихся» Зилова и Шаманова дает преимущественно чувственное восприятие этими героями сибирской природы: акцентируется перцептивное, визуальное, акустическое постижение окружающего мира во всей полноте его красок, свойственное именно детскому сознанию. Так, Зилов многократно повторяет слова, объединенные в семантическое поле эмпирии: «увидишь», «слышишь», «чувствуешь» [Там же, с. 234], в речи Шаманова также акцентируется пробуждение чувств. Соприкосновение с детством дает возможность героям причаститься к природе, почувствовать ее. Для зрелого человека, у которого разум преобладает над чувствами, никогда «солнце не садится в аистово гнездо», не волнуют запахи травы и леса, и стрельба по уткам – дело техники и твердости руки: «Официант. <...> Влет бей быстро, но опять же полное равнодушие... вроде бы они летят не в природе, а на картинке» [Там же, с. 239].

Символически обыгрываются Вампиловым антропонимы в пьесе «Прошлым летом в Чулимске»: Шаманов и Валентина. Шаманов – производное от «шаман», Валентина – в переводе с латинского «сильная», «здоровая». Инициацию, посвящение шаманов в Бурятии предваряют «болезни-сны», во время которых «будущий шаман не подает признаков жизни: его лицо и руки синеют, сердце едва бьется... будущий шаман лежит как мертвый» [5, с. 42]. «Излечение» от «болезней-снов» происходит после инициации. Шаманов на протяжении всей пьесы «спит», «болеет»: «Я спал, спал на ходу, я дрыхнул... Утром я проснулся и увидел свои руки. Они лежали у меня на груди – мои собственные руки, – и вдруг – ты слышишь? – они показались мне чужими. Представь себе это! Сначала руки, а потом весь я: все тело и даже мысли показались мне не моими» [2, с. 379]. «Излечивает», возрождает к жизни Шаманова «сильная», «здоровая» Валентина, провинциальная девочка. Таким образом, взросление, отдаление от собственных истоков и природности, замена чувственного восприятия мира сугубо рациональным метафорически могут быть представлены как болезнь большого города (Шаманов, Зилов – городские герои), которую может излечить возвращение к истокам, к детству, к провинциальной жизни, к традиционной деревенской Сибири в том числе.

Л. П. Якимова в статье «Внесюжетные дети русской литературы» рассматривает образ ребенка в произведениях русских и советских писателей как образ, «наделенный теми идейно-эстетическими функциями, которые в наибольшей степени способствуют выявлению авторского взгляда на мир, характер общественного устройства» [11]. Якимова анализирует произведения А. П. Чехова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Л. М. Леонова, А. П. Платонова, в которых образ ребенка «не входит в разряд сюжетообразующих, более того – часто относится к числу закадровых, но при этом оказывается функционально значимым, способным нести важную семантико-эстетическую нагрузку, служить цели выражения авторской мысли и о текущем времени, и о назначении человека на Земле, а часто и напрямую восходить к художественной философии писателя» [Там же]. Такими произведениями в творчестве Вампилова явились пьесы «Утиная охота» и «Прошлым летом в Чулимске». В обеих пьесах образ ребенка высвечивает героев, способных еще на выход из размеренного бездумного проживания жизни, способных на освобождение, пробуждение, «выздоровление» от городской «болезни» (Зилов, Шаманов). Таким образом, драматург утверждает возможность каждого на переосмысление собственной жизни, на попытку начать все заново.

Симптоматично, что одно из первых произведений Вампилова – сцена «Цветы и годы» (1958) – посвящено теме духовного и физического старения, к которой писатель в дальнейшем обращается на протяжении всего творческого пути. Молодость противопоставлена зрелости в контексте «прошлое – настоящее Потапова и его жены Марии Сергеевны». «Пожилой» Потапов, вспомнив вдруг свои молодые годы, впадает в ребячество, «дурачится»: срывает цветы с городской клумбы для своей жены. Однако Мария Сергеевна, в силу своего возраста, не способна оценить романтического настроения мужа: «Мария Сергеевна (испуганно). Лева! Ты с ума сошел!» [2, с. 408]. Ее волнуют лишь материальные последствия его «выходки»: «Мария Сергеевна (рассерженно). Что ты плетешь? Что это за выходка? Штрафы платить? Деньги тебе девать некуда?» [Там же]. Изменения в душе Марии Сергеевны необратимы: то, что когда-то выглядело для нее романтикой, сейчас «выходки» и «глупость». Но ведь и серьезные, убеленные сединами люди все были когда-то молоды: «Потапов. Трудно представить, но когда-то ты была совсем другой, а теперь даже не в состоянии об этом вспомнить...» [Там же, с. 409]. И для писателя принципиально важно, чтобы человек смог не потерять, пронести из детства ощущение сказки, волшебства, тайны, из юности – ощущение преддверия и способность на необдуманные поступки. Ведь, по мнению писателя, «все порядочное – сгорая, все обдуманное – подлость» [1, с. 95]. И если «пожилой» Потапов оказывается молод душой, то для его жены возвращение в прошлое невозможно. Символично, что она на протяжении всей сцены так и не смогла вспомнить историю первого свидания с мужем, которое так живо всплыло в памяти Потапова. Мотив потери памяти в последующих произведениях Вампилова соотнесен с темой города и символизирует отход человека от собственных истоков, от традиций, природности, естественности, то есть всего, что изначально, по мнению писателя, заложено в детской душе, что так живо еще в юности, но по мере взросления «забывается».

«Зрелость» в творчестве Вампилова, так же как «детство» и «молодость», не столько возрастная категория, сколько душевное состояние, определенный угол зрения на жизнь. Еремеев («Прошлым летом в Чулимске») и Сарафанов («Старший сын») служат тому подтверждением. Эти герои – в преклонном возрасте, однако им чужды оседлость, размеренность существования, будничность, рутинность, в отличие от зрелых героев других пьес Вампилова: Репникова («Прощание в июне»), Кушака, Саяпиных («Утиная охота»), Мечеткина («Прошлым летом в Чулимске») и других. Еремеев – герой неприкаянный, он часть природы и домом своим считает природу, тайгу. Сарафанов живет в идеальном мире (он музыкант, сочиняет музыку о всеобщей любви и братстве, играет в симфоническом оркестре). В реальном мире он неудачник, которого бросила жена, зарабатывающий игрой на похоронах, он одинок, дети его стремятся прочь из родительского дома. В реальном мире таким героям, как Еремеев и Сарафанов, нет места, и Еремеев уходит от людей в тайгу, а Сарафанов внезапно собирается ехать на поиски своей далекой возлюбленной. Готовность к новому, непосредственность, отсутствие привязанности к каким-либо материальным ценностям, открытость миру, природе и людям, бесхитрость, духовная свобода – все эти качества близки Вампилову и, по мнению самого писателя, глубоко природны и берут свои истоки в детстве, проведенном в провинции. В течение жизни человек сталкивается с подлостью, несправедливостью и... приспосабливается к ним. Зрелый человек, как правило, либо становится конформистом (Саяпин, Кушак), либо ломается (Шаманов). Герои, способные и в зрелости сохранить те качества характера, которые были присущи им в детстве (Сарафанов, Еремеев), стали для писателя неким морально-этическим эталоном.

Список литературы

1. **Вампилов А. В.** Записные книжки. Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1996. 112 с.
2. **Вампилов А. В.** Избранное. М.: Согласие, 1999. 776 с.
3. **Вампилов А. В.** Стечение обстоятельств: рассказы и сцены, фельетоны, очерки и статьи. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. 448 с.
4. **Залыгин С. П.** Южно-Американский вариант; Комиссия: романы // Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 3. 647 с.
5. **Илиаде Мирча.** Шаманизм, архаические техники экстаза / пер. с фр. М.: Академический проект, 2014. 399 с.
6. **Кузнецова Н. М.** Мифо-ритуальный и фольклорный контекст драматургии А. В. Вампилова: дисс. ... к. филол. н. Иркутск, 2004. 201 с.
7. **Матвеева Р. П.** Русские сказки Сибири // Русские народные сказки Сибири о богатырях. Новосибирск: Наука, 1979. 303 с.

8. Павлова А. А. Конструктивные принципы художественного мира М. Е. Салтыкова-Щедрина: дисс. ... к. филол. н. Ижевск, 2011. 161 с.
9. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: Наука; Сиб. изд. фирма, 1993. 592 с.
10. Эпштейн М. Н. К философии возраста. Фрактальность жизни и периодическая таблица возрастов // Звезда. 2006. № 4. С. 200-211.
11. Якимова Л. П. Внесюжетные дети русской литературы [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 2. URL: <http://www.sibogni.ru/archive/153/1952/> (дата обращения: 13.07.2014).

SPECIFICS OF AUTHOR'S PERCEPTION OF AGE AND "RESIDENCE" OF THE CHARACTERS IN THE WORKS BY A. V. VAMPILOV

Cherbaeva Ol'ga Vladimirovna
Michurinsk State Agrarian University
olgacherbaeva@rambler.ru

The article analyzes the writer's perception of age and residence of the characters. The goal of the paper is to prove that Vampilov provides the age of a character and his place of residence with a clear evaluation semantics. The childhood is opposed to maturity in Vampilov's creative work as an ideal, spiritual, natural principal to a pure rationalistic, artificial. Countryside is opposed to a city as a kind of ideal world in relation to a spiritually deprived world of consumers of material values.

Key words and phrases: opposition –childhood – maturity"; opposition –countryside – city"; image of a child; motive of childhood; spiritual age of a character; motive of remembrance.

УДК 8

Филологические науки

Статья посвящена особенностям формирования единиц специальной экологической лексики в свете антропологической лингвистики. На базе русского и английского языков в ней впервые проведён сопоставительный анализ базовых экологических терминов с позиции новой лингвистической дисциплины – антропологической лингвистики. Выявлены основные способы номинации основных экологических понятий в русском и английском языках. В результате анализа автор приходит к выводу, что базовые экологические понятия в исследуемых языках обозначены либо путём специализации значения слов уже существующих в языке, либо при помощи заимствования слова из другого языка.

Ключевые слова и фразы: антропологическая лингвистика; экологическая терминология; сопоставительный анализ; базовый термин; способ номинации; заимствование; специализация.

Черникова Елена Олеговна

Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)
elenach328@mail.ru

ОБ АНТРОПОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ[©]

Одним из ведущих направлений современного языкознания стал антропоцентризм – философское направление, в центре внимания которого находится «человек в языке и язык в человеке» [11, с. 6].

Исследование языка с позиции антропоцентризма нашло своё отражение в антропологической лингвистике, о создании которой было объявлено в Белостоке в 2004 году на международной конференции «Язык и культура». Терминоведы разных стран, занимающиеся исследованием сопоставительной и когнитивной лингвистики (С. В. Гринев-Гриневич, В. М. Лейчик, Г. Пихт), в качестве цели новой научной дисциплины установили воссоздание картины эволюции мышления индивида на основе ее отражения в соответствующей эволюции языка. По утверждению исследователей в центре внимания антропологической лингвистики должны находиться терминологии разных языков, потому что в них наилучшим образом проявляются механизмы эволюции научных знаний [7, с. 11]. За последнее время появился ряд работ, выполненных в русле антропологической лингвистики [4; 7; 16; 20].

Для проведения сопоставительного исследования русской и английской экологической терминологии особой интерес представляет докторская диссертация Л. А. Чернышовой [16], в которой разработана комплексная методика сопоставительного анализа отраслевой терминологии в разных национальных языках с позиций антропоцентризма. Опираясь на эту методику, в качестве первого шага мы попытались определить, каким образом формировались термины экологии в русском и английском языках на этапе её зарождения.

Внимание учёных к экологическим проблемам и особенностям взаимоотношений, существующих в системе «человек – природа», с особой остротой проявилось в XIX веке, во времена расцвета индустриального